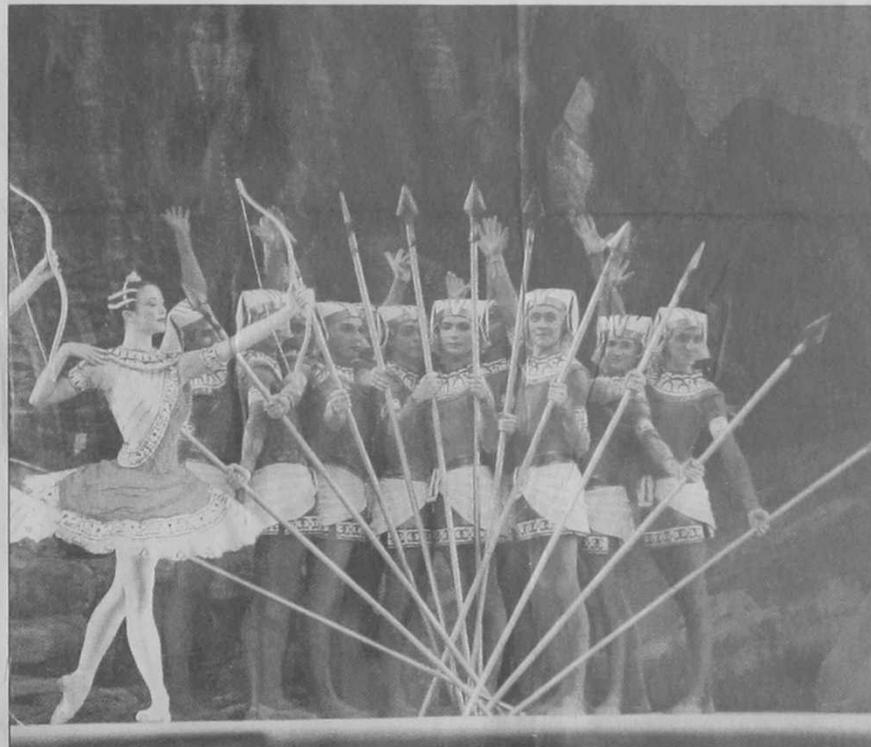

ДВА ДЖОКЕРА В КОЛОДЕ

Большой
и Мариинский
театры
готовятся
к новому витку
конкурентной
борьбы

ИТАР-ТАСС. ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ

ЕГОР ЗАЙЦЕВ

Балету «Спящая красавица» Мариинского театра (слева) Большой противопоставил «Дочь фараона». Как будут выглядеть новые оперы-конкуренты, остается только гадать.

Михаил Малыгин

За последние 10 лет у критиков только в прошлом театральном сезоне не было поводов сталкивать лбами два главных российских театра – Большой и Мариинский. Но, кажется, короткий период перемирия кончился. В следующем сезоне поводов поговорить о конкуренции двух оперно-балетных грандов будет предостаточно.

В минувшем сезоне худрук Мариинского театра Валерий Гергиев сделал ход конем в многолетней эпопее соперничества с Большим. Буквально парой фраз он пресек наметившуюся было ежегодную традицию «обменных гастролей» между двумя театрами. Гергиев просто сказал, что его спектакли в национальном фестивале «Золотая маска» участвовать не будут, в результате новые питерские оперные и балетные премьеры москвичам про-

шлой весной увидеть не довелось. По данным «Новых Известий», Гергиев нашел новый способ знакомить москвичей с творчеством своих мастеров – выступая не при посредничестве «Золотой маски» на сцене ГАБТа, а открыв оперный абонемент Мариинки в Московской филармонии.

Судя по всему, уже в этом году в Концертном зале им. Чайковского соперники Большого покажут несколько оперных постановок. Но этот ход определяет лишь политику и технологию соперничества.

Творческий турнир (от которого каждый театр всегда публично открещивается) ранее развивался в основном на балетном уровне. К примеру, на супердорогую петербургскую постановку «Спящая красавица» в роскошных декорациях а la XIX век с танцами вокруг фонтанов Большой отвечал грандиозной премьерой «Дочери фараона» Пьера Лакотта с живыми лошадьми и колесницами на сцене. А московским постановкам французского мэтра Ролана Пети петербуржцы теперь противопоставляют в репертуаре опусы легендарного Джона Ноймайера. О суперпроекте двух театров – поисках новых российских хореографов и войне за них – наверное, скоро кто-нибудь на-

пишет книгу или научный труд. Результатом же этой конкуренции стала взошедшая на отечественном балетном небосклоне звезда хореографа Алексея Ратманского, который поставил в обеих столицах почти десяток новых спектаклей. В опере же в результате «конкуренции» возшла звезда молодого режиссера Дмитрия Чернякова, благодаря своим экспериментам в ГАБТе и Мариинке стряхнувшего пыль веков с российской вокальной классики. Два театра в своих творческих поисках всегда идут практически ноздря в ноздрю. Если учесть, что от момента зарождения идеи до ее воплощения проходит не менее года, трудно говорить о том, кто же в этой «конкуренции» из обеих компаний выигрывает. Выигрывает от этого соперничества прежде всего отечественная культура, которая, выйдя из кризиса 90-х, теперь развивается поразительными темпами.

В новом сезоне эксперимент двух театров (задуманный, кстати, еще пару лет назад) призван вернуть на отечественную сцену современную музыку и традицию написания новых опер, утерянную со времен Хачатуряна и Прокофьева. На днях оперу «Новая жизнь» для петербургской Мариинки

завершил москвич Владимир Мартынов, а вскоре петербуржец Леонид Десятников представит московскому театру партитуру «Детей Розенталя». Каждый театр понимает, что данные проекты – джокеры в колоде тузов. Это самый рискованный эксперимент за всю театральную историю – никто ведь не знает, какими окажутся русские оперы XXI века, понравятся ли они слушателю и будут ли приняты привередливой отечественной и западной критикой. Здесь гадать не приходится, ведь даже выбор тем спектаклей ничего не решает. Не важно, что первый опус написан на классический сюжет Данте, а второй – по современному либретто авангардиста Владимира Сорокина. Но, по большому счету, сегодня для обеих столиц не важно, удачными или провальными окажутся обе оперы. Главное, чтобы эти проекты были, чтобы они дали толчок рождению и популяризации в России новой музыки, а значит, преобразованию концертных залов и оперных сцен из антикварных лавок и пыльных музеев музыкальной старины в живой организм, способный расшевелить слушателя и музыкантов, как это бывало во времена Мусоргского, Чайковского или Шостаковича.